

© А. В. ДМИТРИЕВ

Новосибирский национальный исследовательский государственный университет
khaldeus@academ.org

УДК 947.066(571)

**ЛЕГКИЕ ПОЛЕВЫЕ КОМАНДЫ СИБИРСКОГО КОРПУСА
В НАЧАЛЕ 1770-х гг.**

**SIBERIAN CORPS' LIGHT FIELD DETACHMENTS
IN EARLY 1770s**

В результате изменений организационной структуры Сибирского корпуса к 1772 г. в его составе появились семь легких полевых команд, куда была переведена часть личного состава бывших кавалерийских полков. Их предполагалось использовать для прикрытия южных границ Российской империи в Западной Сибири. Однако уже действия полевых команд в ходе подавления восстания Е. Пугачева продемонстрировали невысокую эффективность и боевую ценность данных подразделений. Офицерский корпус полевых команд был укомплектован в большинстве своем молодыми людьми, не имевшими военного опыта, к тому же выходцами из европейской части страны, не обладавшими высоким сословным статусом. Даже представители дворянского сословия в их рядах принадлежали к мелкопоместным или вовсе неимущим слоям «благородного шляхетства». А из семерых командиров этих подразделений пятеро были иностранцами, не знакомыми со спецификой условий службы в Сибири. В итоге все эти факторы привели к принятию верховной властью решения о расформировании полевых команд Сибирского корпуса уже в 1775 г.

By 1772 seven light field detachments had been established after some changes of Siberian corps' structure. They were assembled from the former cavalry regiments' personnel. These detachments were to guard southern borders of the Russian empire in Western Siberia. But their actions during the suppression of E. Pugachev's rebellion showed low efficiency and combatant value. Field detachments' officer corps was manned mostly with young people, who couldn't have any military experience. Also they represented European Russia, and their social origin was not from any high class. Even those, who came from the nobility, belonged to small-estate or poor groups of "noble gentry". Five among seven commanders of these detachments were foreigners, who had been unfamiliar with specific conditions of military service in Siberia. As a result, all these factors led to the supreme authority's decision to disband Siberian corps' field detachments in 1775.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Русская армия, военные реформы, полевые команды, офицерский корпус, Сибирь, XVIII в.

KEY WORDS. Russian army, military reforms, field detachments, officer corps, Siberia, the 18th century.

На всем протяжении царствования императрицы Екатерины II неоднократно производились значительные перемены в организационной структуре и штатной численности как отдельных подразделений в составе русской регулярной армии, так

и целых дивизий и корпусов. Как справедливо отметил в свое время еще М. И. Богданович, никогда прежде и никогда позднее русская армия не претерпевала столько изменений, как в эти годы. Описывая предпринятые во второй половине XVIII в. военные реформы, он указывал, что именно тогда удалось «привести в правильный состав множество особых частей войск», так что по своим организационным принципам русская армия заняла «высокое место в ряду других европейских стран» [1, с. 36]. Однако вплоть до настоящего времени отдельные преобразования в рамках данного периода изучены весьма неравномерно, а некоторые и вовсе практически не затрагивались исследователями. Последнее характерно, в частности, для Сибирского корпуса первой половины 1770-х гг., когда в его структуре вместо девяти кавалерийских полков были созданы семь легких полевых команд.

В литературе, как правило, фиксируется лишь сам факт появления в составе корпуса данных подразделений с указанием мест их дислокации [2, с. 568; 3, с. 12; 4, с. 184; 5, с. 41; 6, с. 23]. Вопросы же штатной численности и кадрового состава этих команд не освещаются вовсе. Лишь в одной из недавних публикаций С. В. Андрейчука исследована роль полевых команд Сибирского корпуса в событиях, связанных с подавлением восстания Е. Пугачева в 1773-1775 гг. [7]. Однако в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА, ф. 490 — «Коллекции офицерских сказок»), наряду с прочими воинскими частями, отложились данные и о кадровом составе легких полевых команд за те несколько лет, когда они существовали в составе русской армии. Опираясь на эти сведения, мы попытались проанализировать по ряду параметров личный состав офицерского корпуса этих подразделений и ответить на вопрос, почему они были сочтены неэффективными и расформированы уже в 1775 г.

Нами были использованы сведения за 1772 г., чтобы иметь возможность сравнить кадровый состав полевых команд с данными относительно гарнизонных батальонов Сибири за тот же год, уже представленными в нашей последней публикации [8]. Правда, необходимость такого сравнения создает определенные трудности, поскольку формулярные списки команд за 1772 г. сохранились не в полном объеме — в справочнике К. В. Татарникова, например, они вообще не указаны [9]. Тем не менее мы располагаем сведениями относительно штаб- и обер-офицеров 9-й, 11-й, 12-й, 13-й, 14-й и 15-й легких команд, т. е. шести из семи, входивших в состав Сибирского корпуса (кроме 10-й, о ней известен только один командир, а также за исключением лиц в чинах капитанов и поручиков из 13-й и 14-й команд) [10, л. 405-718]. Кроме того, ряд общих цифр численности личного состава 9-й, 10-й, 11-й, 12-й, 13-й и 14-й команд, а также указания на источники их комплектования содержатся в донесении командующего Сибирского корпуса генерал-поручика И. Деколонга от 22 мая 1772 г. [10, л. 131-134 об.]

Поводом к реорганизации полевых частей Сибирского корпуса (расформированию девяти ранее состоявших здесь кавалерийских полков, восьми драгунских и карабинерного) послужила неудачная попытка задержать силами воинских частей переселение волжских калмыков в пределы цинского Китая, на территорию бывшей Джунгарии весной-летом 1771 г. В докладе Военной коллегии от 31 августа того же года, поданном на высочайшее имя, указывалось, что эти части, расставленные небольшими отрядами по многочисленным пограничным крепостям и форпостам, не в состоянии нести службу надлежащим порядком [11, с. 188].

В результате Военная коллегия предложила расформировать эти кавалерийские полки, переведя их личный состав частью в пять гарнизонных батальонов, а частью — в упомянутые выше семь легких полевых пехотных команд (или когорт). Штат каждой команды предусматривал наличие двух мушкетерских рот (по 136 строевых рядовых в каждой), а также отдельных егерского (48 человек), драгунского (60 человек) и артиллерийского (32 человека) подразделений. Командование осуществлял командир в штаб-офицерском чине, под его началом состояли 11 обер-офицеров (двое капитанов, трое поручиков, трое подпоручиков, адъютант в обер-офицерском чине, двое прапорщиков) и 24 унтер-офицера (включая семерых капралов). Всего, вместе с чинами унтер-штаба (лекари, писари и др.) и нестроевыми (мастеровые: слесари, кузнецы, плотники, коновалы), полный штат команды должен был насчитывать 556 человек [3, с. 12; 11, с. 261-267]. Наложённая Екатериной резолюция «быть по сему» утвердила эти предложения.

Многие офицеры сформированных полевых команд ранее служили в полках Сибирского корпуса, причем, как правило, в низших унтер-офицерских чинах. На это указывают следующие обстоятельства. Во-первых, подавляющее большинство обер-офицеров сибирских когорт в 1772 г. были еще очень молоды. Из 56 человек, чьи формулярные списки изучены нами, 47 еще не достигли даже 30-летнего возраста! Официальный срок пребывания на военной службе у 26 человек составлял менее 10 лет, у 27 человек — от 11 до 15 лет, в редких случаях приближаясь к 20 годам*. Реальный же воинский стаж зачастую оказывался еще меньше, поскольку надо принять во внимание уже значительно распространенную с середины XVIII в. практику фиктивной записи на службу в детском возрасте.

Несколько человек, которых прислали сюда из столицы, также не могли похвастаться значительным опытом службы. Это были либо выпускники Сухопутного кадетского корпуса, либо совсем недавно прибывшие в Россию европейцы. Поручик 9-й команды Ф. Бахирев был выпущен в возрасте 17 лет из кадетского корпуса в 1764 г. В корпусе он получил, безусловно, весьма разностороннее образование: «грамоте читать и писать умеет в российском правописании нарочито, в немецком правописании слаб, в рисовании пером слабо, в арифметике нарочито, в геометрии посредственно, в географии глобус и в истории посредственно, в танцовании нарочито, а в фиктовании и в верховой езде одинакия школы» [10, л. 405 об., 406]. Однако вполне очевидно, что все перечисленные «науки» вряд ли могли заменить армейскому офицеру опыт реальной военной службы. В 1771 г. из польской армии перешел на русскую службу 17-летний саксонский аристократ, барон Г. Лефорт, зачисленный прапорщиком в 12-ю команду. Он знал четыре языка (русский, французский, немецкий и латынь), а также арифметику, геометрию, историю, географию, физику, умел танцевать и был обучен верховой езде [10, л. 441 об., 442]. Но можно ли было на этом основании считать его достаточно сведущим в военном деле с практической стороны? Полагаем, ответ очевиден.

Реальным же боевым опытом из этих 56 обер-офицеров и вовсе обладали лишь 5 человек. Четверо успели принять участие в сражениях Семилетней войны 1756-1763 гг.: капитаны В. Паклин, Ф. Усков, В. Бриль, поручик А. Скалон. А капитан И. де Гаррига преследовал бежавших из пределов России волжских калмы-

* Здесь и далее подсчет наш.

ков в 1771 г. В свете этих данных становится понятным, почему полевые команды Сибирского корпуса будут расформированы уже в 1775 г. Надежды Военной коллегии на то, что легкие когорты «ничего не может удерживать тотчас, как только нужда потребует, выступить и неприятелю в рассуждении удобного своего вооружения всегда твердый и сильный отпор сделать» [11, с. 191], не оправдались во время пугачевского восстания. Трудности, с которыми сталкивались выступившие зимой 1773/1774 гг. для рассеяния отрядов мятежников полевые команды, уже описаны в упомянутой выше публикации С. В. Андрейчука [7, с. 121-122]. В итоге по предложению будущего светлейшего князя Г. А. Потемкина, тогда в чине генерал-аншефа уже занимавшего пост вице-президента Военной коллегии, одобренному Екатериной, из полевых команд Сибирского корпуса будут образованы еще три пехотных батальона, а из егерских подразделений — два отдельных егерских батальона [3, с. 12-13; 6, с. 23; 11, с. 200-201].

Весьма своеобразно выглядела картина сословного происхождения обер-офицеров сибирских команд. При сравнении ее с соответствующими данными по гарнизонным батальонам за тот же 1772 г. или полевым полкам Сибирского корпуса в конце 1760-х гг. заметны определенные отличия. Прежде всего, бросается в глаза значительное преобладание в обер-офицерских чинах лиц дворянского звания. Вместе с сыновьями штаб- и обер-офицеров (поскольку их отцы уже стали дворянами) таковых оказывалось более половины — 31 человек из 56. Еще 17 человек являлись выходцами из европейских государств, а также уроженцами прибалтийских губерний («остзейские немцы»). И только 8 человек оказались выходцами из семей рядовых военнослужащих или чиновников. До тех пор в составе офицерского корпуса всех воинских частей, дислоцированных на территории Сибири, подобного эффекта не наблюдалось: доля представителей «благородного шляхетства» здесь никогда не достигала и половины. Правда, владельцами имений и крепостных душ могли показывать себя только семеро, еще у 11 человек землями с крестьянами владели их родители. Факт вполне объяснимый, учитывая крайнюю молодость многих из них. Все же остальные (13 человек) вообще не располагали какой-либо собственностью.

Из семерых земле- и душевладельцев хоть мало-мальски обеспеченным мог считать себя, пожалуй, подпоручик 11-й команды И. Назаров. Ему принадлежали 60 душ крепостных мужского пола (далее — м. п.) в Белозерском уезде. До перехода на службу в Сибирский корпус он состоял в лейб-гвардии Измайловском полку, получив чин подпоручика при переводе в армию в 1771 г. уже в 20-летнем возрасте [10, л. 419 об., 420]. Еще четверо обер-офицеров имели от 20 до 40 душ м. п., у оставшихся двоих это число составляло даже менее 20. Такое же соотношение мы наблюдаем и среди тех офицеров, у которых еще были живы их родители-помещики. Лишь у поручика 11-й команды С. Козловского числились за его отцом 45 крепостных душ м. п. [10, л. 426 об., 427], у всех же остальных владельцы (как правило, их отцы) показывали за собой от 20 до 30 или менее 20 душ. Также можно отметить один случай, когда у двоих польских дворян, отца и сына Гебауэров (О. Гебауэр — капитан 11-й команды, И. Гебауэр — прапорщик 13-й команды), еще был жив родитель (отец первого и дед второго), владевший 22 душами крестьян в Вильновском повете на территории Речи Посполитой [10, л. 424 об., 425, 713 об., 714]. У лиц, происходивших из обер-офицерских детей, крепостных душ не было вовсе; относительно

некоторых представителей «российского шляхетства» прямо заявлялось, что «за ним мужеска полу душ не имеетца». Эту фразу мы читаем, например, в формулярных списках офицеров 15-й команды — подпоручика В. Неклюдова и его сослуживца, состоявшего на вакансии прапорщика, И. Лобачевского (из смоленских дворян) [10, л. 711 об.-713]. Таким образом, если в гарнизонных батальонах Сибирского корпуса по данным на 1772 г. все же встречались несколько человек из числа помещиков среднего достатка (более 100 душ м. п.), то в полевых командах мы не наблюдаем таких примеров вовсе [8, с. 44].

Довольно пеструю картину являли собой уроженцы европейских стран, оказавшиеся на сибирской службе. Среди них можно было встретить выходцев из германских государств (Пруссии с Бранденбургом и Саксонии) — французов и испанцев. Нередко они оказывались сыновьями европейцев, уже давно поступивших на русскую службу и достигавших штаб-офицерских или даже генеральских чинов. Так, в списках сибирских когорт мы находим сразу троих представителей испанского клана де Гаррига (Дегаррига), сыновей полковника Ф. де Гарриги, на протяжении 1750-1760-х гг. командовавшего дислоцировавшимся здесь Колыванским полевым (ранее — Новоучрежденным гарнизонным) драгунским полком [13]. Поручик А. Скалон был сыном генерал-майора Антуана (Антон) Скалона, из французских дворян-кальвинистов. Уроженец Лифляндии, Скалон-старший перебрался на русскую военную службу в 1735 г., а его сын родился в России в 1744 г. и успел принять участие в последних сражениях Семилетней войны в 1761-1763 гг. Обер-офицерские чины Скалон-младший получал, уже состоя под началом отца в Луцком драгунском полку, которым последний командовал на протяжении 1760-х гг. [10, л. 445 об., 446]*. Поручик А. фон Гиленсберг приходился сыном полковнику фон Гиленсбергу, уроженцу Бранденбурга, ранее командовавшему Троицким драгунским полком, а потом занявшему должность обер-коменданта Тобольска; поручик К. фон Линеман был сыном бывшего командира Якутского карабинерного полка, впоследствии иркутского обер-коменданта И. фон Линемана (из прусских дворян) [10, л. 426 об., 427, 454 об., 455].

Следует также остановиться на тех штаб-офицерах, которые командовали сибирскими когортами. 9-ю команду возглавлял подполковник Т. фон Клейст (пруссак), 10-ю — секунд-майор Т. Зайферт (саксонец), 11-ю — премьер-майор граф Хоакин Фернандес де Кастро Ласерда, уроженец испанских Нидерландов, 12-ю — премьер-майор Ф. Жолобов, 13-ю — премьер-майор Г. Эртман (курляндец), 14-ю — секунд-майор А. Сверчков, 15-ю — секунд-майор И. Брикгаузен (точных данных о нем в списках нет, но и он, судя по всему, также был из «остзейцев») [10, л. 131 об.-133]. Таким образом, из семерых командиров русскими по происхождению оказались только двое — Жолобов и Сверчков. Первый происходил из семьи унтер-офицера, однако еще до достижения 40-летнего возраста сумел достичь штаб-офицерского чина. В Сибирь он прибыл в 1771 г., чтобы принять начальство над формируемой 12-й полевой командой, перед этим отличившись в сражениях с турками в Грузии под крепостями Кутайси и Поти [10, л. 131 об., 132, 443 об., 444]. Сверчков происходил из дворян и сам был владельцем 20 крепостных душ м. п. Начав карьеру при Елизавете Петровне, он попал в полк конной гвардии, затем успел несколько лет прослужить гренадером в лейб-компании, а после ее расформирования в 1762 г.

* Послужной список его отца см.: [10, л. 758 об., 759].

был переведен в армейские полевые полки с чином капитана и прибыл на сибирскую службу в 1764–1765 гг. в составе Азовского драгунского полка, в 1770 г. был произведен в секунд-майоры [10, л. 132 об., 133; 14, л. 180 об., 181].

Подполковник фон Клейст и премьер-майор Эртман несли службу в полках Сибирского корпуса еще в 1760-е гг.: первый в Ревельском, второй в Олонецком драгунских полках. Перед отправлением в Сибирь Эртман прошел всю Семилетнюю войну, он участвовал в сражении при Гросс-Егерсдорфе 19 августа 1757 г., был при занятии русскими войсками Берлина 28 сентября 1760 г. Секунд-майор Зайферт также давно находился в России, с молодых лет перейдя в православие, сначала служил в ландмилиции, потом в армейских частях. Граф де Кастро Ласерда был принят на русскую службу в июле 1761 г., а до этого находился в чине капитана в армии прусского короля Фридриха II [10, л. 131 об.-133, 409 об., 410, 422 об., 423, 449 об., 450; 14, л. 172 об., 173, 174 об., 175]. Возможно, его переход состоялся после того, как он попал в плен — до конца 1761 г. Россия и Пруссия находились в состоянии войны, пока еще не вззошел на престол Петр III. Стоит отметить, что двое последних были весьма образованными людьми: кроме русского и своего родного языков, умели также говорить и писать по-французски, а Зайферт вдобавок знал «регулярную и часть иррегулярной фортификации». Как видим, штаб-офицеры сибирских когорт должны были обладать достаточным боевым опытом и широким кругозором, однако вряд ли представляли себе специфику пограничной службы на восточной окраине империи.

Из приведенных выше данных мы можем сделать несколько выводов. Во-первых, офицерский состав полевых команд Сибирского корпуса по ряду качественных показателей вряд ли мог соответствовать поставленным перед этими соединениями задачам. Крайняя молодость большинства бывших унтер-офицеров или выпускников кадетского корпуса, спешно производившихся в обер-офицерские чины, нехватка служебного и особенно боевого опыта, недостаточное знакомство части офицеров и командиров с условиями службы на пограничных сибирских территориях — все это неизбежно должно было сказываться на эффективности действий этих подразделений. Во-вторых, значительное преобладание среди офицеров представителей дворянства и «иноземцев» наводит на мысль, что местных (сибирских) уроженцев среди них практически не встречалось, что также не располагало к успешным взаимоотношениям с подчиненными и правильному пониманию окружающей обстановки. На этом фоне гораздо более подходящим выглядел контингент офицерского корпуса гарнизонных батальонов, в составе которых насчитывалось достаточно людей, как уже давно несших службу в частях Сибирского корпуса (в частности, в существовавших до 1771 г. кавалерийских полках), так и переводившихся сюда ветеранов военных кампаний середины XVIII столетия, обладавших ценным боевым опытом и способных передать его своим подчиненным [8, с. 46]. И хотя, как отмечал С. В. Андрейчук, подразделения сибирских легких когорт в мае 1774 г. нанесли поражение отрядам Е. Пугачева, сыграв определенную роль в том, чтобы воспрепятствовать распространению пугачевского движения в Зауралье и Западной Сибири [7, с. 127], но рассчитывать на них как на достаточно надежную силу для прикрытия южной границы Российской империи в регионе, по-видимому, оказывалось затруднительно.

Этими факторами, вероятно, и объясняется принятое уже вскоре, в 1775 г., решение о расформировании данных подразделений. Кроме того, могла сыграть свою роль и установка, которой руководствовался Г. А. Потемкин, приступая к

изменениям в принципах внутреннего устройства и организации русской армии после завершения первой русско-турецкой войны 1768-1774 гг.: «Дробных частей соединением в целость и постановлением оных на генеральном войск основании не токмо самая служба ощутительно вспомоществуема будет тем, что избавится целой половины унтер-штабов, в одну токмо тягость служащих; число же действительно сражавшихся не уменьшась ни мало, соединится в настоящий корпус, да и казна избегнет напрасных почти на содержание их издержек» [11, с. 199]. С середины 1770-х гг. Сибирский корпус действительно будет состоять только из полевых и гарнизонных батальонов. Эпизод же с 4-летним существованием в Сибири легких полевых команд иллюстрирует, на наш взгляд, процесс поисков (при этом не всегда удачных) верховной властью и военным командованием таких моделей организации и управления, которые в наибольшей степени отвечали бы боевым задачам на восточной окраине империи, прежде всего, связанным с обороной границ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Богданович М. И. Русская армия в век императрицы Екатерины II. СПб.: Тип. департамента уделов, 1873. 38 с.
2. Словцов П. А. Историческое обозрение Сибири. Новосибирск: Б. и., 1995. 675 с.
3. Висковатов А. В. Историческое описание одежды и вооружения российских войск. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1899. Ч. 4. 228 с.
4. Быконя Г. Ф. Русское неподатное население Восточной Сибири в XVIII — начале XIX вв. Красноярск: Изд-во Красноярского гос. ун-та, 1985. 299 с.
5. Андрейчук С. В. Становление Сибирского корпуса: структура, численный состав и принципы дислокации (1745-1771 гг.) // Военно-исторический журнал. 2011. № 3. С. 38-42.
6. Зуев А. С., Дмитриев А. В. Армейские регулярные части в Сибири в XVIII — начале XIX в.: численность, состав, дислокация // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия «История, филология». 2012. Т. 11, вып. 1: История. С. 17-29.
7. Андрейчук С. В. Особенности укомплектования и снабжения Сибирского корпуса в начале 1770-х гг.: опыт и проблемы // Вестник алтайской науки. 2009. № 3 (6). С. 121-129.
8. Дмитриев А. В. Офицерский корпус гарнизонных батальонов Сибири в начале 1770-х гг. (по данным формулярных списков) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия «История, филология». 2014. Т. 13, вып. 1: История. С. 42-50.
9. Послужные и смотровые списки русской армии 1730-1796 гг. в собрании РГВИА. Межфондовый указатель / сост., вступ. ст., оформ. К. В. Татарников. М.: Старая Басманная, 2013. Т. 3. 711 с.
10. РГВИА. Ф. 490. Оп. 3. Д. 127.
11. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. СПб.: Тип. II отд. собств. е. и. в. канцелярии, 1830. Т. 43. Ч. 1. 864 с.
12. Волков С. В. Русский офицерский корпус. М.: Воениздат, 1993. 368 с.
13. Каменецкий И. П., Резун Д. Я. Следственное дело полковника Дегарриги: к вопросу о «рабстве в Сибири» и злоупотреблениях на Сибирских линиях в середине XVIII в. // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия «История, филология». 2012. Т. 11, вып. 1: История. С. 30-38.
14. РГВИА. Ф. 490. Оп. 3. Д. 83.

REFERENCES

1. Bogdanovich, M. I. Russkaja armija v vek imperatricy Ekateriny II [Russian army at the age of Empress Catherine II]. SPb., 1873. 38 p. (in Russian)

2. Slovtsov, P. A. Istoricheskoe obozrenie Sibiri [Historical survey of Siberia]. Novosibirsk, 1995. 675 p. (in Russian)
3. Viskovatov, A. V. Istoricheskoe opisanie odezhdy i vooruzhenija rossijskih vojsk [Historical description of Russian troops' clothes and armament]. SPb., 1899. Pt. 4. 228 p. (in Russian)
4. Bykonya, G. F. Russkoe nepodatnoe naselenie Vostochnoj Sibiri v XVIII — nachale XIX vv [Russian tax-exempt people of Eastern Siberia in 18th — beginning of 19th centuries]. Krasnoyarsk, 1985. 299 p. (in Russian)
5. Andreichuk, S. V. Stanovlenie Sibirskogo korpusa: struktura, chislennyj sostav i principy dislokacii (1745-1771 gg.) // Voенно-istoricheskij zhurnal [The formation of Siberian corps: structure, troop population and principles of disposition (1745-1771) // Journal of military history]. 2011. № 3. Pp. 38-42. (in Russian)
6. Zuev, A. S., Dmitriev, A. V. Armejskie reguljarnye chasti v Sibiri v XVIII — nachale XIX v.: chislennost', sostav, dislokacija // Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Istorija, filologija [Regular army troops in Siberia through 18th and start of 19th century: strength, personnel, stationing // Bulletin of the Novosibirsk State University. Series: History, philology]. 2012. Vol. 11. Issue 1: History. Pp. 17-29. (in Russian)
7. Andreichuk, S. V. Osobennosti ukomplektovaniija i snabzhenija Sibirskogo korpusa v nachale 1770-h gg.: opyt i problemy // Vestnik altajskoj nauki [Features of Siberian corps' completion and supply at the beginning of 1770s: experience and problems // Altai science bulletin]. 2009. № 3 (6). Pp. 121-129. (in Russian)
8. Dmitriev, A. V. Oficerskij korpus garnizonnih batal'onov Sibiri v nachale 1770-h gg. (po dannym formuljarnyh spiskov) // Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Istorija, filologija [Officer corps of Siberian garrison battalions in early 1770s (from the service records' data) // Bulletin of the Novosibirsk State University. Series: History, philology]. 2014. Vol. 13. Issue 1: History. Pp. 42-50. (in Russian)
9. Posluzhnye i smotrovye spiski russoj armii 1730-1796 gg. v sobranii RGVIA [Records of service and inspection lists of Russian army from 1730 to 1796 in the RSMHA collection]. Inter-funds reference / Compiled by K. V. Tatarnikov. M., 2013. Vol. 3. 711 p. (in Russian)
10. RSMHA. F. 490. L. 3. Aff. 127.
11. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii [The complete code of Russian empire laws]. 1st code. SPb., 1830. Vol. 43. Pt. 1. 864 p. (in Russian)
12. Volkov, S. V. Russkij oficerskij korpus [The Russian officer corps]. M., 1993. 368 p. (in Russian)
13. Kamenetskii, I. P., Rezun, D. Ya. Sledstvennoe delo polkovnika De-garrigi: k voprosu o «rabstve v Sibiri» i zloupotreblenijah na Sibirskih linijah v seredine XVIII v. // Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Istorija, filologija [The investigative case of colonel Degarriga: to the question of “slavery” in Siberia and corrupt practices on Siberian lines in the middle of 18th century // Bulletin of the Novosibirsk State University. Series: History, philology]. 2012. Vol. 11. Issue 1: History. Pp. 30-38. (in Russian)
14. RSMHA. F. 490. L. 3. Aff. 83.

Автор публикации

Дмитриев Андрей Владимирович — доцент кафедры отечественной истории Новосибирского национального исследовательского государственного университета, кандидат исторических наук

Author of the publication

Andrei V. Dmitriev — Associate Professor, Department of Russian History, Novosibirsk National Research State University, Cand. Hist. Sci.